

Татьяна
Алюшина

Читайте романы
Татьяны Алюшиной

Крымский роман
Влюбиться в жертву
Любовь со вкусом вишни
Девушка из нежной стали
Далекий мой, единственный
Девочка моя, или Одна кровь на двоих
Две половинки
Девушка с проблемами
Запутанные отношения
Свидание вслепую
Красота по-русски
Девушка-праздник
Дом, где исполняются мечты
Беглая невеста
С молитвой о тебе
Любовь без права на ошибку
Мой слишком близкий друг
Два шага до любви
Двое на краю света
Все лики любви
В огне аргентинского танго
Чудо купальской ночи
Больше, чем страсть
Моя нечаянная радость
Тот, кто назначен судьбой
Неправильная невеста
Утоли мои печали
Счастье любит тишину
Коллекция бывших мужей
Белоснежный роман
Сердце просит счастья
Руки моей не отпускай
Формула моей любви
Будьте моей семьей
Созданы друг для друга
Актриса на главную роль
Озерные страсти
Вальс до востребования
Судьба непринятой пройдет

Татьяна
Алюшина

Судьба непринятой
пройдет

Роман

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А59

Дизайн обложки *Н. Каштыкиной*

Редактор серии *В. Горюнова*

В оформлении обложки использованы фотографии:
© lenakorzh, New Africa, Bokeh Blur Background /
Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Алюшина, Татьяна Александровна.

А59 Судьба непринятой пройдет : роман / Татьяна Алюшина. — Москва : Эксмо, 2022. — 352 с.

ISBN 978-5-04-165754-3

Почему люди так часто не замечают тех даров и новых возможностей, что подкидывает им судьба? Почему, даже чувствуя, понимая, что перед ним открылась новая дверь, человек лишь грустно вздыхает, подумав с сожалением: «Ах, как было бы хорошо, но...» — и идет дальше по привычной своей дороге, не зная, что отказался от самого главного в своей жизни. Насколько терпеливо провидение и расщедрит ли оно еще на один шанс для героев новой книги Татьяны Алюшиной? А если да, то не пройдут ли они вновь мимо друг друга? Может, и пройдут, ведь все мы так боимся перемен...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Алюшина Т., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-165754-3

Заснуть было невозможно.

Агата все уговаривала себя, что надо бы притушить переполняющие ее через все края и привычные рамки чувства и эмоции, но уговорить, как и что-то там притушить-утихомирить в себе, оказалось совершенно невозможно.

Ну как заставить все свои фибры-жилки, каждую клеточку тела, удивительным образом сделавшегося каким-то иным — легким до необычайности, чутким, трепещущим, — вот так: раз — и выйти из этого мощного, яркого, боже мой, какого прекрасного состояния эйфории и парения?

Приказать: стой, раз-два, я сказала! Так, что ли?

Агата разулыбалась, тут же живо представив себе, как приказывает чувствам прекратить непонятные парения, восхищенные брожения и всем взбунтовавшимся «табуном» немедленно вернуться в привычное «стойло».

Ну какое тут спать!

Дунул ветерок, заиграл тюлевой занавеской, прикрывавшей проем распахнутой настезь балконной двери, затеребил ее, то раздувая пузырем, то заставляя перетекать волнами с еле уловимым шорохом, в серо-голубых предрассветных сумерках создавая ил-

люзию проникающей в комнату загадочно-миражной туманной дымки. Громко защebetала какая-то пичуга, видимо устроившаяся где-то неподалеку у балкона, ее песню подхватила другая «стрекотунья» чуть подальше, за той третья и где-то совсем в отдалении еще одна... Выводили на разные тона свои трели. Перепелись, пощebetали и вдруг в один миг замолкли все разом.

Агата поднялась с кровати, чего уж теперь, понятно же, что не уснет. Прошла к балкону, взяла из кресла, стоявшего рядом, покрывало, обернула вокруг себя два раза, закрепив концы на груди, отодвинула летящую туманную занавесь, легко погладившую ее по руке в очередном колыхании, словно приветствуя, и вышла на балкон.

Встала у перил, обвела взглядом раскинувшуюся перед ней панораму, прикрыла глаза с восторженным благоговением, глубоко вдохнула, втягивая в себя вкусный воздух, улыбаясь от удовольствия и какой-то теплой, искристой радости, переполнявшей ее.

Как же поразительно прекрасно пахло здесь лето. Необыкновенно.

Наверняка так же прекрасно тут пахнет и осень, и зима, и, конечно же, весна. Но все-таки лето источало свои особенные, неповторимые запахи, разные в каждом из этапов-месяцев.

Сейчас, в самом-самом своем начале, оно пахло морем, все еще клейкими молодыми листочками кустов и деревьев, яркой, буйной зеленой травой, тонкими цветочными благоуханиями и чем-то ускользающим, необъяснимым, некой волшебной ноткой, вплетенной в букет ароматов, присущих только этому городу.

Агата медленно выдохнула, открыла глаза и посмотрела вперед, где начала светлеть полоска неба над морским горизонтом, еще даже не подсвеченная солнцем. Неохотно отступала ночь, посверкивая крупными звездами на западе. И внезапно примолкшие, в ожидании солнца, птицы перестали заполнять звуками прекрасную предрассветную тишину.

Да, это вам не Москва с ее вечным гулом мегаполиса, не утихающим никогда, с ее урбанистическими запахами и ароматами.

Агата еще раз с удовольствием глубоко вдохнула, смакуя пьянящий ароматами и свежестью, поутреннему немного прохладный воздух, казавшийся густым и осязаемым от своей чистоты.

Хорошо! Да нет, не хорошо — прекрасно! Вот сейчас, в этом моменте, на рассвете этого дня — прекрасно! А что будет дальше... Бог знает. Агата чувствовала и понимала, что ее жизнь сделала очередной крутой вираж, а к худшему ли эти виражи-перемены или к лучшему — посмотрим.

Впрочем, если быть точной, перемены в ее жизни объявили о себе еще полтора года назад. Ну, не то чтобы прямо перемены и не то чтобы взяли и объявили...

Агата очень четко, до деталей, нюансов, разговоров-диалогов, эмоций и чувств, которые испытывала и переживала тогда, даже до запахов запомнила тот день.

Неприятности начались с взбучки начальства, вызвавшего ее пред свои совсем не светлы, а скорее темны очи.

— Соболевская! — когда Агата вошла в кабинет, прогрохотал Хазарин грозным тоном, не предвеща-

ющим «ничего хорошего, кроме плохого», как называет такое состояние начальственного гнева их заштатный балагур Саша Дерюгин. — Я не понял, что за ерунда! — потряс он документом, зажатым в руке. — Какой отпуск?!

— Положенный, — умеренно строптиво ответила Агата.

— Шутка не зашла, Соболевская! — предупреждающе рыкнул хозяин кабинета.

— И не думала даже, Александр Романович, — не сдавалась Агата и напомнила: — Вы же подписали мое заявление.

— Ты обязана была лично мне его подать!! Лично! Тогда и разговора бы не было! — разошелся пуще прежнего искренним негодованием, где-то даже праведным, Хазарин.

Ага, сейчас — сама подать! Ну да.

Она еще с ума окончательно не соскочила — лично подавать заявление на отпуск в середине декабря. Ищите дурочек — мало того, что вылетишь из кабинета стремительным чижом, напутствуемая тяжелым словом, придавшим ускорение, так еще попадешь в личный «черный список» Хазарина, а это така-а-ая засада, что ну ее, понимаешь, на фиг, будешь в вечных наказанных ходить на всех самых «черных» работах и без премии.

Так что нет — ищите других смелых и дерзких.

Но! Есть у нас обходные, тайные, партизанские тропы — опасные, но при осторожном прохождении и верном маневре ведущие к победе и торжеству справедливости в твоей отдельно взятой священной борьбе за свои конституционные права. Всем в отделе было прекрасно известно, что если хо-

чешь получить разрешающую резолюцию начальства на заявлении, то уж расстарайся как угодно, но заслужи внимание и сочувствие к твоей проблеме и уговори помочь Елену Прекрасную, секретаря Хазарина. В особо тяжелых случаях разрешается даже наизнанку вывернуться.

И если тебе что-то очень-очень-очень надо, как, например, отпуск в самый высокий сезон продаж, то бишь в середине декабря, и ты сможешь объяснить верной секретарше, почему именно у тебя возникла такая жизненная необходимость, то, возможно... Только лишь возможно! Она и снизойдет до помощи.

Ибо при всей своей красоте и царственной стати, нашедших отображение в прилипшем к ней намертво прозвище, Елена Дмитриевна женщиной была умнейшей, просматривала, выверяла и «фильтровала» всю поступавшую на подпись начальнику документацию. И тот, точно зная, что через эту «преграду» не проскользнет ни один левый документ, частенько подмахивал большую часть бумаг, представленных Прекрасной на подпись, не глядя.

К Агате Елена Дмитриевна относилась с теплотой и где-то даже по-отечески и выделяла среди остальной офисной братии, уж бог ведает почему. Что неизбежно и закономерно вызывало ревностные подозрения и вопросы в коллективе, всегда чутко улавливающим любые выделения его членов из общей массы. Агате и самой было бы интересно узнать, чем это она заслужила столь теплое отношение, но спрашивать у Прекрасной она не рисковала. Мало ли на какой ответ нарвешься.

И обратилась с просьбой о помощи к Елене Дмитриевне первый раз за все годы своей работы в кон-

торе. Та помогла, ну и снизошла, конечно, когда Агата объяснила ситуацию, осторожненько подсовывая свое заявление. А получив завизированную заветную бумажку, понеслась оформлять все в кадрах, пока Хазарину не доложил кто из тех же кадров или бухгалтерии и тот не спохватился и не передумал.

Нет, он, разумеется, спохватился и еще как передумал! Но только когда был уже поставлен перед фактом, что Агата уходит в отпуск, причем вот прямо сейчас, буквально через пару часов.

— Ты понимаешь, что это откровенный саботаж и наплевать на интересы фирмы! — гремел начальник, набирая обороты своего гнева.

Как говорит коллега Агаты в случаях, когда начальник бушует: «У него аж очки раскалились и вспотели от ярости». Так-то Александр Романович начальник строгий, но справедливый, однако бывает, что и разъяриться может, и орать от всей своей широты душевной. Редко, но случается. Если доведут. Агата вот, видимо, довела, и всерьез.

— Свинтить куда-то отдыхать, когда мы тут зашиваемся в высокий сезон, когда специалистов не хватает и все работают аврально до потери памяти!

— Да я постоянно до потери памяти и аврально! — возмутилась в ответ Агата, напомнив ему, как говорят в Одессе, «за свои права». — Кто у нас передовых? — спросила она, заводясь негодованием, и сама же ответила: — Соболевская! Все выходные-проходные, кого заменить: ну пожалуйста, Агата, очень надо, некому больше! И Соболевская подменяет. Задержаться, поработать с поставщиками — снова Соболевская. У меня сверхурочных переработок на полноценный отпуск накопилось! — проняло

ее как-то очень уж всерьез, прямо донельзя. — В прошлом году что было с моим отпуском? — спросила, театрально-наигранно разведя ладошки в стороны и склонив головку набок, в позе ожидания разъяснений.

Словесного ответа не дождалась, лишь недовольно скривившегося, словно схарчившего кислущий лимон, выражения начальственного лица.

— А я напомним, — все так же театрально «порадовалась» она выпавшей возможности. — Отгуляла только половину, потому что: «Потом, Агата, будет тебе отпуск и отгулы, все будет, а прямо вот сейчас срочно надо поработать, у нас сплошная запарка», — процитировала она.

— Вот именно! — встрепенулся Хазарин, как любое начальство не переносивший, когда подчиненные подлавливали его на ошибках и невыполненных обещаниях. И врубил недовольство новой волной: — Потом отгуляешь, Агата. А то, что у нас сейчас самая запарка и самые продажи, ты и так знаешь.

— А мне сейчас надо, Александр Романович, — произнесла спокойно-ровно Агата, как-то в момент остыв. — Потом, конечно, тоже, как и положено по трудовому законодательству. Все, что по нему положено. Но отпуск мне нужен сейчас.

Он посмотрел на нее продолжительным тяжелым, буравящим взглядом, посопел в крайней степени недовольства и предупредил:

— Уволю к чертовой матери.

— Увольняйте, — легко согласилась Агата.

Очень хотелось добавить: «Да и хрен бы с вами», но она сдержалась. Развернулась и вышла из кабинета, медленно-аккуратно закрыв за собой дверь.

— Ну, что? — поинтересовалась у нее Прекрасная, оторвавшись от документа, который изучала.

— Гневались, бумазейкой трясти изволили, лицом краснели, глаза пучили, кричали. Обещались уволить, — отрапортовала Агата.

— Остынет, — уверила секретарь, махнув рукой.

«А в принципе, — подумалось Агате, которой отчего-то вдруг сделалось легко и бесшабашно, — действительно: ну уволит — и хрен бы с ними. Не пропаду ведь».

— А не остынет, да и ладно, — смело заявила она веселым тоном и тоже махнула рукой.

Елена Дмитриевна не ответила, посмотрела на нее странным, изучающе-вопросительным взглядом, чуть приподняв одну царственную бровку.

Но Агате было уже не до трактовок взглядов Прекрасной, даже особенных. Торопливо попрощавшись, она выскочила из приемной.

Она почувствовала, наконец, себя свободной! И это было прекрасное ощущение, просто замечательное! Прямо как-то вот хорошо!

Вообще-то она пришла на работу только для того, чтобы получить полагавшиеся ей отпускные, отдать сделанный ночью перевод Ларисе Лагиной, взявшей на себя поставщиков Агаты по распоряжению руководства и, ясное дело, сильно недовольной этим обстоятельством. Ну и «проставиться», как полагается по офисным законам, за отпуск коллективу — принести закусить-выпить и тортик в дополнение, особо выделив вниманием ту же самую Лагину, презентовав ей бутылку дорогущего шампанского на Новый год.

Ну а как? Всем известно, что поддерживать легкие нейтрально-дружеские, условно-доброжелатель-

ные отношения с коллегами жизненно необходимо, иначе в офисном террариуме не выживешь — устроят тебе медленное аутодафе, останки размажут по экологически безопасной отделке стен их новенького офиса и с удовольствием спляшут на обгоревших костях.

Все по законам бытия в рамках тесных, «душевно» сплоченных отношений офисного планктона.

Агате, как она и рассчитывала, честной и щедрой «проставой» удалось слегка притушить градус зреющего недовольства и черной зависти коллег, раздражившихся по поводу «предательницы», сумевшей каким-то чудесным образом вырваться на свободу во время самого нервного и тяжелого периода новогодних продаж.

Понятное дело, что ее отпуск станет в их отделе самой обсуждаемой темой на несколько дней и не успеет за Агатой захлопнуться дверь, как любимые коллеги начнут хейтерить отступницу с особым эстетическим удовольствием, строя версии ее «побега» одна другой экзотичней. И будет эта тема муссироваться и перетираться ровно до того момента, пока кто-то знатно не накосячит, выступив на корпоративной новогодней тусе, став новым предметом горячего обсуждения сослуживцев и потеснив в первенстве главных новостей раздражающий факт внезапного отпуска Агаты.

Ни разу не сомневаясь, что именно так все и произойдет, Агата напустила туману о жизненной необходимости срочного отъезда, пообещала особо злобно завидовавшей и негодующей коллеге нечто мутное из серии никогда не исполняемых зарок: «Ага, подмену обязательно, как только вернусь, и ра-

боту твою сделаю, а как же!» — торопливо попрощалась и выскочила из офиса.

С чувством облегчения и приятной, заслуженной свободы она махнула охраннику, сбежала по лестнице запасного хода, подналегла, открывая тяжелую дверь на тугом возвратном механизме. Дверь недовольно громыхнула за спиной, неохотно выпустив выскочившую стремительной пулькой в морозную серость московских сумерек Агату.

Здесь, в стиснутом домами пространстве узеньких улочек, оплетавших паутиной центр Москвы, вечерняя темнота казалась еще гуще и плотнее, чем ей полагалось быть в это время суток. Не ожидавшая столь резкого перехода от ярко освещенной лестницы офиса к унылой промозглости сумерек (отпущавших городу всего пару-тройку светлых часиков и ревниво-недовольно возвращавших в свою размыто-серую темень сразу же после обеда) Агата в первый момент даже испугалась, что напутала что-то со временем и теперь катастрофически опаздывает. Выхватила телефон из сумочки, посмотрела на время и успокоилась: нет, все в порядке, все по плану и расписанию — просто темно, холодно и зыбко.

Брр. И снег вон снова начался. Такой же серый, как и полутьма, через которую он летел.

Стоит поспешить, надо успеть сделать еще массу всякого важного перед отъездом. И, кинув сотовый обратно в сумочку, натянув теплые перчатки, она заторопилась уйти отсюда поскорей.

Но неприятности, которым дал отмашку недовольный начальственный рык, грозивший уволить Агашу к чьей-то нехорошей маме, как выяснилось позже, только начались. Не успела она завернуть за

угол, как наткнулась на Олега Каро, от неожиданности уставившегося на нее растерянно-виноватым взглядом застуканного за нехорошим делом подростка. Ну то, что растерянным, понятно — уж где-где, а именно тут, да еще и в это время встретиться с Агатой он никак не мог ожидать. В этом замкнутом небольшом квадрате двора, куда стекали «черные» выходы трех соседних зданий, стоявших неправильным треугольником и притиснутых друг к другу, у глухой стены одного из них офисные работники устроили стихийную летнюю курилку.

Зимой-то все курили в специальных, сооруженных под это запрещенное в общественных местах дело, курительных комнатах, в тепле. А летом — другое дело — всем было жарко, лениво, хотелось отдыхать и пить холодное пиво где-нибудь у реки, а работать не хотелось совершенно. И поход на перекур на улице превращался в короткое приключение с более продолжительным отвлечением от служебных обязанностей: пока-а-а пройдешь весь коридор, пока-а-а спустишься по лестнице, пока-а-а поговоришь с такими же курильщиками, а потом неторопливо вернешься за стол-компьютер. Так раз пять «прогуляешься», глядишь, и день быстрее пройдет.

Но зимой сюда никто не ходил. Потому что не очень-то и в кайф, да и целая история получается: сначала оденься, все-таки подмораживает, а то и снег сыплет без остановки, потом пройди мимо охранника, сидящего у выхода на лестницу и неодобрительно поглядывающего на каждого курильщика, выходящего на улицу, потом стой на морозе и торопливо затягивайся, чтобы поскорей закончить сигарету, пока не задуবে окончательно. А дальше надо

вернуться, опять-таки пройти мимо охранника, сверлящего тебя взглядом — мало ли где ты там шлялся и с кем общался, ну вот так он смотрел на каждого, добавляя себе значимости, словно банк какой охранял, а не офис продаж. Ну вот, миновать самоутверждающегося охранника, потом раздеться-согреться. Да ну его — сплошная канитель и никакого удовольствия.

Самим запасным выходом пользовались редко, потому как выходил он в колодец двора, а из него на улицу, ведущую к дальней станции радиальной ветки метро. Из центрального же выхода было куда как удобней: до метро раза в два ближе, и к кольцевой станции, да еще и по прямой, а не зигзаги по дворам наворачивая. Но сегодня Агате нужно было именно на радиальную, чтобы проехать три станции и встретиться с маминой подругой, выказавшей настойчивое желание передать какую-то посылочку-приветик из Москвы.

Так что ошарашенное удивление Олега, на которого, как черт из табакерки, выскочила Агата, было вполне объяснимо и понятно, а вот выражение вины и испуганной растерянности на его лице — как-то не очень... А-а-а, сообразила Агаша, когда тот шагнул навстречу и на ходу, чтобы она не заметила, как бы невзначай отбросил коротким, быстрым движением недокуренную сигарету, полыхнувшую огнем, падая на асфальт. Понятно, где «партия пошла ошибочным курсом».

Недели три назад Олег поспорил с Максимом Федоровым, менеджером из его отдела, о том, что человеку с нормальной силой воли бросить курить легко и просто, как нечего делать. Федоров настаивал на

своим видением проблемы: мол, ничего и не легко, а тяжело даже очень, иначе все бы давно уж побросали эту дрянь и вели здоровый образ жизни. А Олег, ясное дело, настаивал на своем и предложил забиться на бутылку настоящего Martell, заявив, что докажет свою правоту собственным примером вот прямо сейчас — возьмет и бросит. Макс пари принял, их подтверждающее рукопожатие, как и положено, разбили свидетели, и Олег Каро, достав из кармана початую пачку, облегченную всего на две выкуренные с утра сигареты, широким театральным жестом скомкал ту в руке и выбросил в урну для бумаг.

Как там в нашей кинематографической классике было? Кажется, в старом фильме «Кортик», когда активистка показывает подросткам, как правильно надо читать пушкинского «Пророка»: «И вырвал грешный мой язык!» — и, с большим чувством произнес фразу, весьма натурально, с наложенным закадровым хрустом, изображает процесс выдиранья и вышвыривания виноватого своего языка. Вот где-то так же масштабно, с тем же чувством произвел Олежек Каро сей перфоманс, прямо утвердивший его как человека слова, обладающего ого-го-го какой силой воли. Как говорят девицы-инстаграмщицы: «Ты такой невероятно очень сильно мо-о-ощный чел».

— Зачем добром-то раскидываться? — спросила с досадой Светка Шигаль, глядя на безнадежно помятую пачку сигарет в урне. — Можно было менее волевым товарищам отдать.

— Не, Светик, — хохотнул довольный Макс, уже мысленно представляя, как бутылка дорогущего Martell украшает его праздничный новогодний

стол. — Ты не врубаешься: при столь мощной заявке требуется сакральная жертва.

— Ну и пожертвовал бы в пользу друзей. У меня всего две сигареты осталось, а день только начался, — проворчала неодобрительно Шигаль.

Она-то и описала чуть позже во всех подробностях и деталях сцену «Великого пари» Агате и, понятное дело, всем остальным заинтересованным слушателям, специально прибежав в их отдел, не дождавшись перерыва на обед, чтобы поделиться горячей сплетней.

«Сильно мощный» Олег с экзотической фамилией Каро рассекал по офису с гордо поднятой головой волевого мачистого крутыша, снисходительно поглядывая на курильщиков и Макса Федорова. А сам, получается, шифруясь ото всех, тайком бегал на улицу перекурить, где и был случайно застукан Агатой, которая заметила и верно трактовала все его конспиративные манипуляции. А он, как принято говорить в таких случаях, понял, что она поняла, разозлился и спросил раздраженно, с неприкрытым наездом, руководствуясь, видимо, нетленной заповедью про лучшую защиту в виде нападения:

— Ты что тут делаешь? Ты куда это вообще собралась, когда рабочий день в разгаре?

Причем спросил весьма недовольным и где-то даже надменно-отчитывающим тоном.

Агата вздохнула поглубже, удерживая себя от напрашивающегося самого очевидного ответа, и медленно выдохнула.

Всем известно, что коллективы бывают разные. Есть очень крепкие, сплоченные, где все друг за друга горой и дружат по-настоящему, это редко

встречается и, как правило, в небольших составах единомышленников. Есть откровенные гадючники, где сплошная конкурентная борьба за место под солнцем объединяет членов лишь в дружбе против кого-то. Тоже встречается чаще в небольших коллективах.

Но в большинстве крупных менеджерских сообществ торговых фирм отношения приблизительно везде одинаковы — конкурентные, но без беспредела и жестких подстав, в общем-то дружественные, а наиболее близкие складываются внутри небольших групп, на которые неизбежно разбивается большой коллектив. Но что связывает все менеджерские коллективы, так это существование непрописанных, но четко исполняемых правил и законов, регулирующих взаимоотношения в коллективе. И вот по одному из них за подобный вопрос, заданный коллеге, куда-то тихо-тайно сваливающему в рабочее время, можно было отхватить далекий словесный посыл с последующим жестким групповым остракизмом, когда об этом его откровенном косяке узнают все остальные.

А потому что слинять с работы и не подставиться при этом начальству — дело практически святое, разумеется, если твой фронт работ не перекладывается на кого-то другого. И помогать-прикрывать товарища в этом занятии тоже действие святое — ведь завтра и тебе может понадобится куда-нибудь срочно свинтить, ну мало ли, жизнь — она еще та веселуха. Так что «товарища выручай» четко работает, но без излишнего усердия в виде «сам пропадай». К тому же — не твое собачье дело, куда и кто собрался, можешь прикрыть — прикрой, не мо-

жешь — молчи в тряпочку и делай вид, что человек «где-то здесь, но в туалет вышел».

Это, разумеется, был конкретный косяк менеджера Каро Олега, но не только в нарушении правила дело. Задавать подобные вопросы коллеге из другого отдела, да еще и занимающему гораздо более высокую должность, чем ты, к тому же обличающим тоном из разряда «Ты гулять собралась, когда мы все тут горим на работе?», с подтекстом «А вот я сейчас доложу» — это жесткий моветон. Просто полный треш. Так накосячить — это надо постараться.

Был бы он просто коллегой, Агата бы не преминула приложить от души «теплым словом». Но дело в том, что полтора месяца назад Олег Каро перестал быть для нее просто менеджером из другого отдела, поменяв статус на близкого друга. До полноценного бойфренда Каро пока не дотягивал, и, понятное дело, «така любовь» их обоих внезапно не накрыла — так, на уровне необременительных ухаживаний с сексом по выходным на ее территории. Пока только в этих рамках, с неясной перспективой. Вроде как приглядываются друг к другу. Но на право задавать ей столь прямые вопросы Олежек все же пока статусом не тянул.

И понимал это. Как и то, насколько сильно он сейчас облажался.

— Я же в отпуске с сегодняшнего дня, — напомнила Агата, по большому счету снизойдя до прощения и ответа.

— Да? — искренне удивился Каро.

— Да, — подтвердила она, в свою очередь удивившись его забывчивости. — Я тебе говорила.

— И зачем ты тогда в контору приходила?

— Получить отпускные, передать дела Лагиной, — пожалала плечами Агата.

— А-а-а, — протянул Олег, не зная, как выпутываться из ситуации, и спросил, без особого интереса: — И куда сейчас?

— Как куда? — еще больше подивилась Агата. — Собираться. У меня же самолет ночью.

— Какой самолет? — встрепенулся вдруг заинтересованностью Олежек.

— Как какой? — не поняла, почему он спрашивает, Агата. — В Крым. Я же тебе говорила.

— Когда это ты говорила? — ухватился тот за возможность перевести тему и покосился в сторону выброшенной, уже потухшей сигареты, явно сожалея, что поторопился с конспирацией.

— В воскресенье, когда ты у меня был. И позавчера, когда купила билет, — напомнила ему Агата.

— Я не могу все помнить, — моментально возмутился Олег, повышая голос, — у меня полный завал на работе, запарка страшная, сидим все до ночи, ты же прекрасно знаешь, какое сейчас время! — И, видимо, только сейчас сообразив в полной мере, что именно она ему сказала, прибавил градуса раздраженности: — И что значит, ты улетаешь? На сколько?

— На месяц, до середины января, со всеми январскими праздничными днями. И об этом я тебе говорила, — снова напомнила ему Агата.

— Но мы же собирались встретить Новый год вместе! — как-то напористо вознегодовал Каро.

— Мы же это обсуждали, Олег, я предложила тебе прилететь ко мне, ты сказал, что подумаешь, — успокаивающе-миролюбиво напомнила ему Агата.

По выражению лица Олега она видела, считывала, что он прекрасно помнил и тот их разговор, и про ее отпуск помнил, про билет на самолет и ее предложение прилететь к ней в Крым. Помнил, но вредничал и отчитывал, воспитывал, потому что она застала его за куревом и теперь знает, что не очень-то он и «сильно мощный», а обычный, дающий слабину парень, а он бахвалился, рисовался перед ней при каждом свидании в режиме «мужик сказал — мужик сделал»: видишь, мол, держусь, не курю, и посмеивался над Федоровым, которому придется выкатить ему крутую коньячину, а она его вот застукала.

И догадался, увидел по выражению ее лица, что она прекрасно понимает все его резоны и выступления, и от этого, что называется, закусился еще того пуще, принявшись вдруг уже совершенно откровенно отчитывать Агату обвинительным тоном:

— Нас пригласила моя мама, она ждет, готовится, старается, и тебе об этом прекрасно известно. Она хочет с тобой познакомиться, и я заверил ее, что мы будем. А ты заявляешь, что улетаешь на месяц. Вообще-то это открытое проявление пренебрежения к ней, да и ко мне. Ты же знаешь, как это важно для меня, да и для мамы, — распалялся он по ходу своего выступления, все более и более накручивая себя.

— Олег, — перебила его Агата и начала объяснять: — Я предупредила тебя, что Новый год всегда встречаю и праздную со своими близкими. Поэтому и не приняла приглашения твоей мамы, если ты помнишь. Не понимаю, зачем ты ее заверил, что мы придем, я не могу ничего изменить... — Но, не закончив фразу, вдруг остановилась, поймав себя на мысли и неприятном ощущении, что почему-то оправдывается.

И рассмеялась. В своей обычной манере: легко, негромко, словно скидывая, освобождаясь от возникшего напряжения и негатива.

— Ладно, Олежек, — остановила она явно собравшегося что-то возразить Каро, — мне пора. А ты иди, у тебя там, кажется, полный завал, аврал и самосожжение на работе. — И попрощалась: — Все, пока.

— Подожди, Агаш! Я не то хотел сказать, — попытался остановить ее Олег примирительно-извинительным тоном, сообразив, насколько неосмотрительно поспешил с выступлениями и отчитываниями, не в тех они пока отношениях. Не в тех. — Мы не договорили.

И попытался ухватить ее за локоток, но Агата ловко уклонилась от его руки, не дав себя удержать.

— Я договорила, — ответила она, усмехнувшись, и добавила уже на ходу, шагая к арке выхода из двора: — А ты можешь упражняться в искусстве риторики и без меня. Все, пока. С наступающим.

И, не поворачиваясь, подняла руку и помахала прощальным жестом.

— Твою ж мать... — ругнулся в сердцах Каро, провозжая взглядом точеную фигурку быстро удаляющейся девушки.

Как же он лоханулся, идиот! Растерялся, видимо, от неожиданности, обозлился, что она его застучала за курением, вот и понесло его.

Терять отношения с Агатой, которой он так старательно добивался, терпеливо, осторожно и продуманно подводя ее к ним, Каро не хотел категорически. А они пока не вышли на ту стадию, на которой можно позволить себе отчитывать и упрекать девушку в чем бы то ни было и на что-то указывать —

пока у них все только-только в самом зыбком начале, период осторожного приглядывания друг к другу, узнавания, сплошное ухаживание в розовых тонах. Правильней сказать: у нее узнавание и приглядывание к нему, для себя же Олег Каро давно все решил и выбрал Агату Соболевскую объектом своих серьезных интересов, и все шло и развивалось хорошо, по плану. И надо же так сорваться...

— Ну, блин, твою же мать! — ругнулся он еще раз.

И затосковал — ужасно хотелось закурить, затянуться аж до полсигареты, выдохнуть дым и расслабиться. Но еще две сигареты лежали заныканые между листами прејскуранта в его портфеле, в офисе, и идти за ними, а потом возвращаться сюда, на улицу, не было никакой возможности, пришлось бы что-то придумывать про свою очередную отлучку, оправдываться, изворачиваться...

И какой хрен дернул его забиваться с Федоровым на этот идиотский спор, да еще перед самым Новым годом? Теперь вот приходится прятаться, становясь заправским партизаном, и возвращаться в контору с опаской и осмотрительностью, чтобы никто его не застукал. И надо же было такой хрени случиться, чтобы Агатку принесло именно тогда, когда он так удачно слинял на перекур.

Кстати, осенила Олега неожиданная мысль, а ведь это даже хорошо — если он встретит кого-нибудь, скажет, что ходил провожать свою девушку. Наверняка уже всем в конторе известно, что Соболевская умотала в отпуск. Интересно, как ей это удалось? Громыч, как они звали между собой начальника, ни за что бы не отпустил, только через чей-то труп.

Придется теперь как-то задабривать Агату, убалтывать, расстараться, восстанавливая отношения, понятно же, что она его сейчас откровенно послала вместе со строящей грандиозные планы на новогоднее застолье мамой. Нет-нет, расставаться с Соболевской нельзя, он еще поборется, так просто уйти ей не даст. Вот уж нет. «Может, таки полететь к ней в Крым, как она и предлагала? — рассуждал он, поднимаясь по лестнице служебного хода. — А что, неплохая мысль».

Какое-то время он всерьез обдумывал эту мысль, гоня и крутя ее в голове так и эдак, но, вернувшись на рабочее место за свой стол и набирая номер телефона постоянного клиента, от этой идеи отказался: «Не-а, дорого, сука, по деньгам такая поездочка обойдется — билеты туда-обратно, да там праздничные гулянья — нет». Ладно, он придумает, как Агату окупить и чем примирить и без этой поездки.

А ничего не подозревающая о грандиозных планах, вынашиваемых господином Каро на ее счет, Агата почти бежала, торопясь к метро. Она серьезно опаздывала, выбиваясь из графика, который сама себе составила на сегодняшний день, и старалась четко придерживать его пунктов, но теперь приходилось бегать — и все из-за никому не нужного разговора с Олегом.

Мало, что ненужного, так еще и... ну не рокового — нет, не тот у них масштаб и уровень отношений, чтобы драмы сердечные разводить, но скажем так — все для нее определившего разговора. За те полтора месяца, что они сошлись, вступив в интимно-романтические отношения, Агата внимательно присматривалась к молодому человеку, при-

слушиваясь к своим ощущениям и чувствам, и пока так и не смогла окончательно решить: продолжать и развивать дальше эту связь или лучше ну его на фиг — не греет, не интересно. Но после столь откровенного наезда и непонятных претензий, высказанных отчитывающим недовольным тоном, определилась наверняка: нет, все-таки на фиг с пляжа! И повторила про себя: «На фиг, на фиг», — не испытыв при этом никакой печали, лишь легкое, необременительное сожаление. Ну не получилось, что ж теперь. Может, и хорошо, что не получилось.

Снег валил все гуще и гуще, в метро оказалась куча народа, так что пришлось ехать стиснутой со всех сторон, как сардинка в банке, благо, что недалеко, всего три остановки. Агата выскочила на перрон станции, суетливо заозиравшись по сторонам, но тети Веры, с которой они договорились встретиться в центре зала, нигде не увидела и разнервничалась совсем уж всерьез.

Выхватила телефон из сумки, набрала нужный номер.

— Бегу, Агаточка! — отозвалась на первый же гудок явно тяжело запыхавшаяся Вера Владимировна и пояснила свое опоздание: — Из-за снега движение на проспекте встало намертво, нас из маршрутки высадили за полкилометра от станции. Так что я бегу... — И спросила: — Дождешься?

Агата кинула взгляд на электронное метрошное табло над черным зевом тоннеля, механически неотвратимо отщелкивавшее оранжевые циферки несущегося времени, быстро прикинула, куда и как она успевает и уже не успевает.

Блин, блин, блин!

Такси не возьмешь, только если испытываешь непреодолимое экзотическое желание посидеть на заднем сиденье машины, наглухо стоящей в пробке. В метро толпы, поезда ходят с задержками... А ей еще надо успеть в два места — в одном забрать заказ-подарок для Аглаи, в другом отдать сделанный перевод, свой «левый» заработок, за который заказчик предпочитал расплачиваться лично и исключительно наличностью. Это в наше-то время — и наличностью! Но у каждого свои лабиринты в голове — хочет человек рассчитываться налом, пусть платит, она возражать не будет, особенно если учитывать тот важный факт, что платит он весьма щедро.

Агата вспомнила, что тетя Вера терпеливо ждет ее ответа, и крутнула головой, возвращая вильнувшие в сторону мысли в нужное русло. Что мы имеем? Мы имеем еще два места, в которые непременно надо успеть и которые находятся хоть и в центре, и недалеко друг от друга, но на разных ветках подземки. Одно радует в заявке-раскладе «езде успеть» — от метро до дома Агаты семь минут, если бегом. Ну то, что бегом, это понятно, теперь уж никак по-другому — будет она сегодня физкультурницей-бегуньей. Еще собраться, еще... Лучше всего, конечно бы, отложить эту передачку от Веры Владимировны на следующий раз, но мама...

И Глаша... и Юра с Егоркой.

И, протяжно вздохнув под тяжестью аргументов и обстоятельств, Аглая ответила:

— Дождусь, тетя Вер. — И, ухватив интересную юркую мысль, промелькнувшую в голове, предложила: — Давайте я вам навстречу побегу, так быстрее будет.

— Давай, детка, — согласилась извинительным тоном Вера Владимировна, — а то я совсем задохнулась уже.

Ну, что ж, погнали — рванула Агата с высокого старта, решительно ввинчиваясь в толпу, шустрой щучкой лавируя между пассажирами. По-любому действовать и двигаться определенно лучше, чем стоять и ждать.

Понятно, что тетя Вера не могла бегать быстро. Вообще-то бегать она не могла никак: ни быстро, ни медленно, она и ходила-то не так чтобы шустро — лишний вес. Всю свою жизнь, с подросткового возраста, Вера Владимировна вела беспощадную борьбу с лишними килограммами, героически проигрывая каждое из эпических сражений, в которые перманентно вступала, практически сразу же пасуя перед превосходящей силой противника, выдвинувшего на передовую оружие глобального поражения в виде конфет, шоколада, сладостей и изысканных кондитерских изделий.

Да, поле боя всегда оставалось за врагом-победителем.

И сейчас, выскочив из теплого метрошного нутра и рванув вперед на приличной скорости, Агата размышляла о том, что наверняка тетя Вера решила презентовать им всем на Новый год свое вкуснящее, чудо какое великолепное фирменное печенье, которое пекла по личному и секретному рецепту, и скорее всего еще что-нибудь вкусненькое-превкусненькое в ее исполнении.

И как тут отказаться от такого презента? Свято-татство. Их семейный Новый год без кондитерских шедевров Веры Владимировны — не Новый год, а

так, считай, рядовое мероприятие на фу-фу. Вот и бежала Агаша сломя голову навстречу великой во всех отношениях кулинарке, крупную фигуру которой уже заприметила впереди.

Разговоры разговаривать было некогда, поэтому торопливо-суетливо обнялись-расцеловались, и тетя Вера вручила приличную картонную коробку с тщательно упакованными в нее печеньями и фруктами в шоколаде, угадала-таки Агата содержимое подарочка. Вера Владимировна ее перекрестила-благословила и напутствовала в дорогу, они поспешно распрощались, и Агаша рванула обратно к метро.

Ну прямо все одно к одному сегодня, как сговорились обстоятельства и люди усложнять ей жизнь, расстраивалась Агата, спешным порядком собирая небольшой чемоданчик. И время от времени с тревогой поглядывала за окно, где все сыпал и сыпал непрекращающийся снег.

Она терпеть не могла собираться или делать что-либо в суетливой спешке. Агаша предпочитала заниматься чем-либо с толком, с расстановкой и желательнее в удовольствие, продумывая детали и не упуская мелочи. А не так — бегом, бегом, тыр-пыр, растопыр, пар из ушей, суета переполошная, то забыли, об этом запамятовали — ту-ту, опоздали! Машем рукой вслед, утирая обидные слезы.

Да ладно, рассмеялась она, чего ворчать-то, сама же себе всю эту канитель с нервотрепкой и устроила. Правильно сказала мама по телефону: паспорт взяла, деньги-карточки, косметику взяла — и достаточно. Вообще-то Агата и так берет с собой вещей по самому минимуму: дамская сумочка, ну это святое, небольшой чемоданчик в статусе ручной клади и

коробка с печеньками и шоколадными фруктами от тети Веры. Агашиного шмотья дома у мамы полно, на любой выбор и все сезоны, и смысла таскать туда-сюда чемоданы, забитые вещами, никакого нет, действительно можно с одним паспортом и кошельком лететь хоть на месяц, хоть на полгода.

И вообще, что она разнервничалась и напряглась-то так? Ничего же страшного, тяжелого и трагичного не происходит — ну, опоздает она на самолет, и что? Улетит завтра, делов-то.

И рассмеялась. Легкая и позитивная по натуре, Агата не имела обыкновения и привычки поддаваться негативным эмоциям, впадать в уныние, придавать каким-то простым, бытовым проблемам и делам чрезмерное значение, нагнетая вокруг их решения сосредоточенную серьезность, заранее пугая себя плохим сценарием развития событий.

Нет, на самом деле, что она так переживать взялась-то. Не успеет так не успеет. Да, денег жалковато, но ведь не критично — у нее билет самый дешевый, без багажа.

Слуша-а-ай, а действительно, зацепилась она за продуктивную мысль, задумчиво посмотрев на раскрытое нутро чемоданчика, ожидавшего полного заполнения, мама-то права, чего суетиться-то, а?

Вот что мы имеем?

Мы имеем снег, который идет себе с особым усердием с самого, считай, утра, отчего Москва наглухо стоит на всех направлениях, в подземке толпы людей. А посему предстоит тащиться с чемоданом и объемной, неудобной коробкой сначала в метро, с пересадкой и переходом, потом бежать на аэроэкспресс, а это еще то удовольствие. К тому же, при

таким разгулом стихии, существует реальная вероятность, что рейс могут задержать, и застрянет она в том аэропорту. На этом, не радующем перспективой моменте рассуждений Агата снова посмотрела задумчиво в окно — валит снежок, ох, валит.

Часа два назад она заходила на сайт аэропорта, проверяла объявление о вылете — все штатно, все по расписанию, никто ничего не задерживает и не отменяет.

Вот и ладушки. Но все может измениться в любой момент. Держим эту мысль в голове на всякий случай. И если тот самый «если» случится, то лучше к нему быть готовой. Тогда...

И, решительно выдохнув, она вытряхнула из чемоданчика на кровать все, что успела уже в него натолкать. Застегнула «молнию» и отправилась в гардеробную, менять чемодан на вместительную и удобную дорожную сумку, между прочим, известной фирмы, поэтому еще и стильную-красивую.

Звонок в дверь застал Агату балансирующей на верхней ступеньке стремянки. Стояла с поднятыми руками, ухватившись за сумку на антресоли.

— О не-е-ет, — простонала она обреченно и попросила, у кого там надо просить в случаях, когда требуется Высшее вмешательство: — Только не это.

Почему-то Агаше подумалось, что старший менеджер Олег Каро вполне мог притащиться к ней с решительным намерением замиряться и уговаривать оставаться в рамках прежних романтических отношений.

Замиряться и оставаться не хотелось, поскольку Агата уже все решила для себя, а общаться с ним в данный момент она не имела ни желания, ни воз-

возможности, ни времени, точно зная, что примется он что-то там объяснять, ходить по пятам, пока она носится по квартире, торопливо собираясь, и к моменту, когда она выскочит за дверь, чтобы бежать на метро, окончательно вынесет ей весь мозг и испортит всякое настроение.

— Не-е-ет, — простонала она еще разок, скисая от картинки, которую мгновенно нарисовало услужливое, богатое воображение.

И от досады дернула сильнее, чем требовалось, сумку с полки, отчего чуть не слетела кубарем со стремянки, но удержалась, не свалилась все же, хоть и успела трухануть. И рассмеялась над собой такой «ловкой» и от облегчения заодно.

— Вот ведь карусель без коников! — поделилась она впечатлением с пространством их с Глашей любимой детской приговоркой-ругалкой.

Вообще-то в оригинале ругалка эта, в исполнении автора, детсадовского сторожа и по совместительству электрика Семёныча, звучала в более полной, расширенной, так сказать, версии: «Ёптель-канитель, карусель без коников!» — прикрикивал он в разных сложных жизненных обстоятельствах, которых, судя по всему, в его жизни было предостаточно, особенно по утрам, когда он «маялся», как классифицировала такое состояние сторожа детсадовская повариха тетя Зина.

Что такое «ёптель» и какая-то там «канитель», Агата с Глашей не знали, а вот ругательство про карусель без коников понимали правильно — действительно страшно: карусель — и без лошадок.

Так, куда это ее занесло? Не до воспоминаний вообще-то, если она все же надеется попасть се-

годня на самолет. Вообще-то она о бывшем милдруге Олежке. «Бывшем» в данном случае подчеркнуть. И что она задержалась? Ну приперся Каро, да и бог бы с ним — пошлет подальше и дверь вообще не откроет, делов-то пирогов!

— Агаточка, это я, — раздался громкий голос за входной дверью. — На всякий случай предупреждаю, если ты ждешь какого-нибудь иного посетителя.

Агата рассмеялась, привычно поражаясь про себя, как этой удивительной женщине удастся практически безошибочно угадывать, даже порой и предвидеть мысли-переживания, а часто и поступки других людей.

В частности ее, Агатины, мысли-переживания.

— Кого жду? — распахивая дверь перед соседкой Полиной Андреевной, элегантной дамой весьма преклонного возраста, рассмеялась Агата.

— Известно, кого может ждать молодая, привлекательная, незамужняя девушка, — улыбнулась ей гостья, переступая порог и заходя в прихожую. — Мужчину с обязательным наличием папеньки, уверенно занимающего высшую ступень социального статуса, с большой вероятностью наследования после этого родителя. И, разумеется, находящегося в разной степени взаимодействия с конем, желательно белым, как то: восседая верхом на животном, стоя рядом и держа того под уздцы, предъявляя таким образом наличие обязательного опознавательного атрибута. Или, увы, вовсе без коня. Наихудший вариант — под конем. Но его мы не рассматриваем в принципе.

И улыбнулась в ответ на веселый смех Агаши.

— Извини, детка, ты же знаешь, что от скуки, старости и отсутствия достойных собеседников я бываю

излишне болтлива и люблю растечься словесами, — покаялась Полина Андреевна. — Подозревая, что ты в полнейшем цейтноте, я принесла тебе еду. — Она продемонстрировала небольшую кастрюльку, укутанную в кухонное полотенце.

— Спасибо, Полина Андреевна! — поблагодарила Агата. — Только у меня на самом деле уже совсем нет времени!

— Знаю я все про твоё время, — отмахнулась Полина Андреевна, решительно направляясь в кухню, где принялась сноровисто хозяйничать, и успокаивая Агату: — Не волнуйся, девочка, ты везде успеешь.

Достала тарелку с сушилки, открыв нужный ящик, вытащила ложку, взяла небольшую поварешку из подставки для столовых приборов, распаковала кастрюльку из полотенца, открыла крышку — и по кухне тут же поплыл бесподобный аромат.

— Ум-м-м. — Агаша сунулась под руку Полине Андреевне, с восхищением нюхая запах, даже глаза прикрыла от удовольствия. — Ваше прекрасное рагу, — констатировала она.

— Да, мое прекрасное рагу, которое ты сейчас съешь, — подтвердила гостя, зачерпывая и накладывая в тарелку щедрую порцию. — Оно не слишком горячее, я специально остудила. — И приказала, выставляя на стол тарелку с рагу: — Ешь!

Спорить Агата не стала, во-первых, потому что это заняло бы гораздо больше времени, чем сам процесс ужина, а во-вторых, потому что устоять перед таким соблазном было решительно невозможно. Овощное рагу, которое готовила ее прекрасная соседка Полина Андреевна, она обожала, поскольку было оно беспо-

добным. Да и успеет она везде, в самом деле, чего волну лишнюю гнать.

Чинно-правильно и неторопливо принимать пищу, согласно правилам и этикету, не имелось никакой возможности. Только приступив к великолепному рагу, Агаша поняла и ощутила, насколько сильно проголодалась, и торопливо метала ложку за ложкой, как приютская сирота, случайно попавшая на дармовой банкет в барском доме.

— Может, помочь тебе собрать твой чемоданчик? — предложила соседка.

— У-у, — отказалась жуящая Агата, покрутив отрицательно головой, торопливо проглотила и пояснила: — Я решила минимизировать багаж. Вон сумку достала, — кивком указала она на лежащую на полу в прихожей сумку и легко рассмеялась. — Чуть не сверглась со стремянки, когда доставала. Засуну в нее коробку с печеньем от Веры Владимировны и пакет со всякой мелочовкой, подарочки для своих, и все.

— Ну тогда тем более успеешь, — махнула с уверенностью ладошкой Полина Андреевна и призвала девушку не отвлекаться от основного занятия: — Ты ешь, ешь. — А сама смотрела на нее с довольной улыбкой. — И не беспокойся, посуду я помою, за порядком прослежу, квартиру закрою и буду приглядывать, как обычно.

— Вы моя спасительница, — с большим чувством вздохнула Агата, лучезарно улыбнувшись соседке.

— Не без этого, — усмехнувшись, согласилась Полина Андреевна и поторопила: — Ладно, ты особой-то меланхолии не предавайся, а то и правда опоздаешь на самолет.

На самолет она не опоздала, но немного понервничать все-таки пришлось. Сумку Агаша собрала минут за десять — косметика, бельишко, любимая домашняя одежда, новая удобная шелковая пижамка, еще кое-какая необходимая мелочовка, небольшие праздничные упаковочки с подарками для родных. Все замечательно и компактно уместилось в сумке вместе коробкой от тети Веры, как и рассчитывала Агата. Но в суете и торопливых сборах она благополучно забыла зарядить телефон, и тот, как и полагается по пресловутому закону подлости, обиженно пропиликав, разрядился в самый неподходящий момент — когда она уже обувалась в прихожей.

Не, ну нормально? Как она про него забыла-то? К тому же именно в этот момент Агата сообразила, что забыла зарегистрироваться на рейс в онлайн. Нет, ну что за карусель без коников, она же ёптельканитель, а! Ведь хотела же, думала об этом, напоминала себе, но отвлеклась и забыла!

А все потому, что потащилась сегодня в контору, сокрушалась, досадуя, Агаша. Вот прямо приспичило ей получить именно сегодня отпускные, прекрасно бы обошлась и без них. Ну, пусть и не так уж и прекрасно, но обошлась бы! Одно только расстройство вышло из этой затеи: начальник наорал, пообещав уволить, с Олегом неудачно столкнулась... или удачно? Ладно, не суть, но тоже не сильно приятная история. Теперь вот еще и телефон разрядился.

Так, ладно, одернула она себя и рассмеялась — прямо какая-то комедия положений получается. Ну все, все, пора снова бежать или как минимум быстро идти. Они тепло попрощались с Полиной Андреевной, оставшейся в квартире Агаши, чтобы помыть

посуду, перекрыть все, что требовалось перекрывать при длительном отъезде — газ, воду, свет, — и запорить двери на все замки. И, перекинув через голову наискось ремешок сумочки, закинув на сгиб локтя дорожную сумку, Агата поцеловала еще раз, теперь уж совсем на последний последок, любимую соседку и выскочила из квартиры.

Самолет Агаты вылетал чуть позже полуночи. Но в аэропорт, известное дело, требовалось приехать с запасом минимум в час до отправления — в случае Агаты это значило в одиннадцать вечера, что называется, впритык. То есть надо бы успеть на экспресс, отправляющийся в десять ноль-ноль. Она прикинула в уме весь путь, посчитала еще раз — сколько понадобится времени в метро, сколько на переход и билет-посадку в экспресс — да нормально, вроде везде спокойно успевает, даже с небольшим запасом.

В вагоне метро Агаше удалось встать рядом с местом для зарядки сотовых и даже немного подзарядить свой, но интернет работал плохо и зарегистрироваться на рейс снова не получилось, все время зависал запрос. Да и ладно, отмахнулась она мысленно от этой пустой неудачи, расслабилась и переживать перестала вовсе.

На информационном табло аэропорта строка о нужном Агате рейсе весело голубела среди множества красных цифр-букв, сообщавших менее везучим пассажирам о задержке их рейсов, подбодрив Агашу, что все идет по плану и у нее есть-таки шанс улететь по расписанию.

Вот и ладушки, вот и хорошо, порадовалась она, пристраиваясь в конец небольшой очереди к стойке на регистрацию.

— Не отменят? — на всякий случай спросила Агата у девушки-регистратора, оформлявшей билет.

— Пока не объявляли, — неопределенно пожала плечами та, возвращая паспорт с билетом внутри, и улыбнулась: — Может, еще и улетите.

Правильно, лучше придерживаться осторожного оптимизма, чем уверенного утверждения. Задержанных рейсов было достаточно, наверное, больше половины, и народу в аэропорту толкалось непривычно много даже здесь, в огромном зале регистрации, где, как правило, пассажиры особо не зависали, предпочитая находиться поближе к стойке вылета. Агата представила себе на минуточку, какое столпотворение сейчас в зоне отлета, и, решив не торопиться проходить контроль, подождать, когда объявят посадку, отправилась в туалетные комнаты.

При такой скученности народа очередь в туалет предсказуемо растянулась аж до лестницы, пришлось постоять, невольно прослушивая тревожные разговоры о погоде и множестве отложенных рейсов. Вернувшись в зал, Агата обратила внимание на какой-то непонятный гул, производимый сливавшимися в одно целое встревоженными людскими головами.

— Что происходит? — спросила она у поравнявшегося с ней мужчины.

— Все рейсы отложены, — не останавливаясь, на ходу бросил тот.

— Как это все? — подивилась Агата, непонятно кому адресовав свое недоумение.

Не могут же отменить все рейсы сразу? Или могут?

Так, надо бы разузнать. И она направилась к информационному табло — выяснить, что все-таки

происходит. Возле огромного экрана с расписанием скопилась целая толпа. Громко переговариваясь и негодуя, люди спрашивали друг у друга о том, о чем никто из пассажиров знать не мог: что это такое? Коллапс? И где — в Москве из-за непрекращающегося снегопада? Или в аэропортах назначения? И когда возобновят полеты? И кто может дать точную информацию?

Людская масса гудела, колыхалась-перемещалась, расстраивалась, охала-вздыхала, плакала и возмущалась. Агата, пробежав глазами строчки рейсов, нашла среди них свой, как и остальные краснеющий буквами «задержан» — скромненько и ни разу не информативно. На сколько задержан? На час, два, десять, до следующей зимы?

Но тут, издав предшествующий объявлению мелодичный звук, ожило громкое оповещение, и приятный женский голос принялся перечислять номера рейсов и время их задержки. Резко смолкнув и затаив дыхание, толпа, выслушав информацию, издала дружный разочарованно-бессильный возглас, хорошо так сдобренный матком и «горячими» пожеланиями всем авиакомпаниям.

И лишь одна Агата среди всего этого стоны-ругани и массового разочарования стояла и смеялась от всей души.

Нет, ну а что? Все, что могло у нее сегодня пойти не так, пошло именно не так, и ожидать легкого полета стремительного лайнера по расписанию было, наверное, недопустимым оптимизмом. И уж если ее рейс задерживается, то не на какие-то жалкие два часа, которых хватит всего лишь, чтобы немного послоняться по аэропортовским магазинчикам и бу-

тикам, может, и прикупить что-нибудь, перекусить неторопливо, попить чаю, зарядить телефон и почитать, — а уж задерживается так задерживается, глобально так, по-взрослому — предварительно пока до шести утра.

Она смеялась, прикрыв глаза ладонью, не обращая внимания на недоуменные и сердитые взгляды окружающих. А отсмеявшись, достала телефон, прочитала эсэмэску, в которой ей любезно сообщили о задержке рейса, и полезла на сайт авиакомпании в надежде узнать еще хоть какую-нибудь уточняющую информацию.

Уточняющая информация имелась: помимо подтверждения о переносе времени вылета, всех пассажиров обещали оповещать в индивидуальном порядке об изменениях в расписании.

Большое вам спасибо за заботу. Нет, правда — спасибо.

В свете новых обстоятельств Агата осмотрелась вокруг, проясняя обстановку. Народу за то время, что она отстояла в очереди в дамскую комнату, прибыло немало. Совершенно очевидно, что комфортно и удобно пристроиться где-нибудь, чтобы покемарить хоть пару-тройку часиков, не имеется никакой возможности — все «козырные» места давно заняты забиты самыми шустрыми и сообразительными и теми, чьи рейсы отменили еще несколько часов назад. А сидеть на полу у стеночки ей как-то совсем не улыбалось.

Ну вот совсем не улыбалось.

Вернуться домой? А смысл? И как? Экспресс уже не ходит, метро закрыто. Такси? Снег, пробки — часа полтора, а то и два добираться. Туда полтора, назад

столько же, итого три-четыре только в дороге. Нет, не вариант.

Ладно, разберемся. Для начала надо оповестить родных. И Агата позвонила маме, объяснив ситуацию.

— И что ты будешь делать? — разумеется, разволновалась сразу же Анна Григорьевна.

— Да что делать. Поеду в ближайшую гостиницу, — уверенно заявила Агаша, поспешив успокоить родительницу.

— Да будут ли там номера, если все рейсы отменили? — засомневалась мама.

— Будут, конечно, — заверила дочь.

Они поговорили еще недолго, обсудив разные мелочи, здоровье-дела у Аглаи и малыша, и попрощались.

И наивная, не в меру оптимистичная по жизни девочка Агата двинула в ближайшую аэропортовскую гостиницу.

Продуктивная мысль, конечно, кто бы спорил — главное, оригинальная, которая, ясное дело, пришла не только в светлую голову Агаты, а как минимум еще нескольким сотням человек. И что характерно — намного раньше, чем ей.

И этот простой и нерадующий факт она открыла для себя, когда, выскочив из такси, торопливо взбежала по лестнице, прошла через раздвижные стеклянные двери... и замерла, оценив масштаб своего очередного попадалова. Все кресла, диванчики и стулья в холле, да и сам холл были плотно заняты людьми с их вещами: разнокалиберными чемоданами, многочисленными баулами и сумками. Большинство уже спали, кто-то устроился на полу на

своих вещах, за неимением свободных посадочных мест, кто-то тихо, с ленцой, переругивался в дальнем углу, негромко плакал какой-то ребенок...

О-фи-геть! Исход евреев из Египта! Из Египта свалили, а в Земле обетованной места забронировать забыли. М-да, как говорится в том анекдоте: «И когда это мама была не права?»

И что теперь? Растерялась как-то Агата, разглядывая этот «табор».

Что-что, ответила она себе, надо уточнить на ресепшене, может, найдется хоть одно местечко для нее. Может, это вообще не пассажиры задержанных рейсов, а делегация экологов или этнографов, каких-нибудь «зеленых» или еще каких людей ученых — попыталась подбодрить себя Агата вялой иронией. Но шутка как-то не зашла, слабовата, да и устала она уже изрядно.

Старавшаяся доводить любое дело до его логического конца, Агата, тяжело вздохнув, все же направилась к стойке ресепшена, даже не удивившись тому обстоятельству, что возле длинной стойки скопления людей, понятное дело, не наблюдалось, кроме одинокого мужчины, заполнявшего бланк.

— Мест нет, — встретила Агату еще на подходе сообщением администратор, не дожидаясь вопроса.

— Может, раскладушка или диван в служебке?.. — спросила все же Агата.

— Да какая раскладушка? — вяло-измученно возмутилась женщина, вполне себе миловидная, неопределенного возраста, но стильная, ухоженная и явно уставшая. — Вы что, не видите, что творится? — махнула она рукой в сторону холла. — Вон сколько желающих. Раскладушки еще час назад закончились,

люди в номера компаниями заселялись. Сибирь и Дальний Восток еще днем откладывать начали на неопределенный срок.

— В аэропорту еще хуже, — вздохнула Агата и спросила, так, на всякий случай: — Ну, может, хоть какой-то вариант? — И, быстро стрельнув взглядом в сторону мужчины (слышит тот их разговор, не слышит?), понизила голос: — Разумеется, с оплатой за номер.

Намекая на соответствующее вознаграждение в размере стоимости гостиничного номера за любой закуток, где можно было бы поспать. И искренне пожаловалась, тяжело вздохнув:

— День ужасный выдался.

— Нет, — поняла ее правильно женщина и почувствовала и Агате, и себе самой: — Ничего нет, девушка. Ничем не могу помочь.

В этот момент мужчина закончил заполнять анкету и протянул бланк администратору.

— А мужчине, наверное, повезло иметь бронь? — снова тяжело вздохнула, впрочем, без всякой зависти, Агата. Спросила так, в проброс, просто от неожиданности и как-то в один момент навалившейся усталости, мысленно переключаясь на вставший насущный вопрос: что же делать дальше?

— У мужчины есть допуск на резервный фонд, — словно укоряя, с плохо скрываемым раздражением, чуть поджав губы, сообщила администратор похолодевшим в один миг голосом.

Ох, видимо, сильно ее пробрал этот допуск на тот самый фонд, на который, вот к гадалке не ходи, сто пудов у дамы администратора имелись свои виды-интересы, сулившие неплохой гешефт.

— Повезло... — снова не позавидовала, просто констатировала Агата, разворачиваясь, чтобы отойти от стойки.

— У меня двухместный номер, — посмотрев на Агату, сказал зачем-то мужчина.

— Рада за вас, — ответила машинально она, не понимая, для чего он ей это сообщает, похвастаться, что ли?

— Я тоже, — чуть улыбнулся тот и продолжил свою мысль: — Поскольку я один, то могу предложить вам занять свободную кровать.

Агата уставилась на него, как деревенская дурочка на балаганного петрушку: замороженно-недоуменно, даже глазами пораженно хлопнула.

— То есть... — пролепетала она.

— То есть, — растолковал мужчина ей более доходчиво, — если вас не смущает перспектива ночевать с незнакомым мужчиной в одной комнате, я предлагаю вам занять одну из кроватей в доставшемся мне номере.

— Правда, что ли? — все никак не могла поверить Агата в эдакие чудеса небывалые, а в уставшем мозгу выскочила откуда-то фраза про голубой вертолет, забитый эскимо.

Агата перевела вопрошающий, неверящий взгляд на администратора, та пожала неопределенно плечами, мол, разбирайтесь сами, и недовольно поджала губы. Агата снова посмотрела распахнутыми от удивления глазами на незнакомца, внезапно выступившего в роли фея-благотворителя, и спохватилась, перепугавшись, что тот устанет ждать ее ответа на небывалое предложение и передумает:

— Разумеется, я согласна. Ну, конечно же, господи! Спасибо вам огромное! — И пообещала чест-

ной пионеркой: — А со своим смущением я договарюсь как-нибудь.

И, поняв, какую ерунду только что спорола, тихонько рассмеялась.

Мужчина коротко усмехнулся и спросил у администратора:

— Оформлять будете?

— Будем, будем! — ответила вместо нее Агата и, покопавшись в сумочке, извлекла паспорт и выложила на стойку, подтвердив серьезность своих намерений: — Обязательно будем, а как же?

Администратор наградила Агату недовольным взглядом, видимо, за согласие разделить номер причислив ее в отряд недругов, оттяпавших резервный фонд, и явно нехотя, но все же положила сверху паспорта бланк анкеты.

— Я заплачу половину стоимости, — на радостном подъеме оповестила Агата будущего соседа по номеру.

— Перестаньте, — посмотрел он на нее с легким укором, чуть сдвинув брови. — Я уже все оплатил.

— Ну что вы, — горячась, возразила она, — обязательно заплачу. Надо по-честному! — И пояснила, улыбнувшись ему: — Мне так будет спокойней.

— Ну, если спокойней, — пожал тот безразлично плечами.

Агата торопливо, все еще побаиваясь, что мужчина передумает или устанет ее дожидаться и уйдет, заполняла анкету и все поглядывала на него краем глаза. Но тот стоял рядом, облокотившись на стойку, и своим отрешенным равнодушным видом демонстрировал, что спокойно ждет, когда девушка закончит с формальностями.

С оплатой произошла небольшая заминка: администратор уже провела по компьютеру зачисление суммы и заниматься возвратами и переоформлениями отказалась, предложив постояльцам разбираться между собой. Агата достала наличные и протянула мужчине, тот очередной раз отказался, она настаивала и совала купюры, но он отмахнулся.

— Потом отдадите, утром, — принял он окончательное решение.

И произнес это таким тоном, что Агата почувствовала: лучше воздержаться от продолжения спора — это была точка, поставленная им, очерченные границы.

— Я отдам, а вы обязательно возьмете, — все же обрисовала она свою принципиальную позицию по этому вопросу. Не удержалась.

— Идемте, — устало вздохнув, распорядился мужчина, забирая ключ, который выложила перед ними на стойку администратор.

Они молча, не обменявшись даже короткими междометиями, ехали в лифте, и эта повисшая тишина давила немного на нервы Агаты, порождая неловкость затянувшейся паузы и маятность момента, но, слава богу, лифт в этой современной гостинице был скоростным и быстро доставил их на нужный этаж.

Открыв номер, мужчина галантно пропустил Агату вперед. Благодарно кивнув, она зашла и огляделась.

Вполне себе стильный современный гостиничный номер: большой встроенный шкаф, вешалка и обувная полка в широкой прихожей, просторная ванная комната, совмещенная с туалетом, и даже душе-

вая кабинка. Две застеленные, достаточно широкие кровати, «полупорки», как называла такой размер спального места ее бабушка, вместительные прикроватные тумбочки с лампами на них, телевизионная плазма приличных размеров и узкий консольный шкафчик под ней, на котором стоял круглый поднос с двумя бутылками негазированной воды и двумя стаканами. Сбоку от телевизора пристроился небольшой столик и два стула к нему, а уголок для отдыха, состоявший из двух кресел с высокими спинками, маленького кофейного столика и торшера на длинной скругленной ножке, располагался ближе к окну. Вот и вся обстановка, если не считать стилизованного под мебель мини-холодильника в прихожей.

По большому счету Агате было уже совершенно не до обстановки — догнавшая окончательно и уже в полной мере, накопившаяся за весь суматошный день усталость навалилась так, что из всех желаний и интересов доминировало только одно: спать. Упасть на эту замечательную полупорку и спать, спать...

— Уступаю вам выбор кровати и приоритетное пользование ванной, — легко улыбнулся мужчина, продолжая проявлять галантные манеры.

— Благодарю, — искренне, сердечно поблагодарила Агата, не удержалась и поблагодарила еще раз: — Спасибо вам огромное за все. Вы меня невероятно выручили. Можно сказать, спасли.

— Да пожалуйста, — даже удивился тот горячности ее благодарной речи и поторопился: — Давайте уже устраиваться на ночлег. День был суматошный.

— Да-да, — заторопилась Агата.

Она выбрала кровать, что стояла ближе к окну, достала из сумки умывальные принадлежности, запас-

ную футболку и домашние штанишки — трикотажные широкие и любимые, которые всегда возила с собой, — и поспешила занять ванную комнату.

Плескалась Агата недолго, почему-то все время неосознанно чутко прислушиваясь к звукам, доносившимся из комнаты. Отмечая про себя — вот ее сосед по ночлегу прошелся по комнате, остановился, и тишину разбили громкие звуки, раздавшиеся из включенного телевизора, но громкость быстро убавили. Вот он лег на чуть скрипнувшую кровать и, судя по звукам-голосам из телевизора, переключает каналы.

Агата оперативно умылась-переоделась и заспешила, даже крем наносить не стала — пусть с ним, не настолько уж он актуален, что прямо без крема не жить, не быть.

— Ванная свободна, — объявила она, возвращаясь в комнату.

— Отлично, — отозвался мужчина.

Поднялся с кровати, подхватил с тумбочки не какой-то там немудреный полиэтиленовый пакетик с туалетными принадлежностями, а настоящий, серьезный кожаный несессер с логотипом известной фирмы и, прежде чем выйти из комнаты, предложил:

— Если хотите, можете выключить свет и телевизор.

— Спасибо, — поблагодарила Агата.

Свет и телевизор она выключила, как и предложил сосед, оставив горячей только лампу на тумбочке у его кровати, легла в кровать и с каким-то почти благоговейным удовольствием вытянулась под одеялом.

Господи боже, какое блаженство!

Благодарное тело словно растеклось в горизонтالي, получив возможность наконец-то отдохнуть и расслабиться. И от этого долгожданного расслабления навалилась тяжестью слабость, растекаясь по всем мышцам.

Спать хотелось совсем непреодолимо, и Агате казалось, что она погружается в теплую, ласковую полудрему, в которой почему-то слышит, как льется где-то из-под крана вода и еще какие-то непонятные, смазанные звуки. Сознание уплывало, уплывало, отдаляясь от реальности...

И вдруг, внезапным резким рывком, рвануло обратно, безжалостно сбрасывая приятную дремоту, из которой она уже плавно погружалась в крепкий сон. Агата сразу не смогла понять, что ее взбудоражило, а потом услышала, как скрипнула соседская кровать, принимая в себя мужское тело, и щелкнула лампа на тумбочке, погружая комнату во тьму.

А-а-а, сообразила она, на что среагировала. Ну ладно.

И настроилась снова отдаться дремоте, переходящей в сон.

Но сон, сволочь такая предательская, куда-то подевался, прихватив с собой и ласково баюкающую дрему. В голове тут же взбодрились и принялись крутиться, перебивая друг друга, какие-то бестолковые ненужные мысли, сменяющиеся картинки сегодняшнего дня, встреч и событий, обрывки разговоров, размышления о том, когда все-таки откроют небо и она улетит, и...

Агата глубоко вдохнула, медленно выдохнула и перевернулась на бок.

«Спать! — приказала она себе мысленно и повторила, но уже просительным, уговаривающим тоном: — Спать, надо спать, Агаточка».

Услышала, как повернулся на бок сосед, и вдруг — так внезапно, так неожиданно, непонятно откуда взявшимся острым чувствованием осознала-ощутила близкое присутствие этого мужчины на соседней кровати.

Не какого-то любого мужчины, который мог бы оказаться на его месте, — а именно этого.

Это было настолько странно, настолько не в ее характере и психофизике, что Агата тут же решила, что переутомилась и перенервничала за день до такой степени, что ее организм и подсознание выкидывают дурные коленца.

Она лежала, стараясь дышать потише и не шевелиться вовсе, и ей казалось, что каждый ее обострившийся нерв чувствует и ощущает состояние, в котором пребывает тот человек, его флюиды и дыхание...

Да тьфу ты, ёптель-канитель, карусель без коников! Мысленно обругав себя и перевернувшись на другой бок, Агата тяжело вздохнула.

— С вами все в порядке? — неожиданно спросил мужчина. — Вы что, плохо себя чувствуете?

— Нет, нет, — заторопилась уверить его в обратном Агата, придав бодрости тону. — Все нормально.

— Вы так тяжело вздыхаете, мне показалось, что вам нехорошо, — пояснил он проявление своей неожиданной заботы.

— Просто, знаете... — Агата, словно в подтверждение его слов снова громко вдохнула и тяжело выдохнула. — Так бывает, когда выпадает трудный,

суматошный день, переполненный делами, встречами, заботами, нервотрепкой отъезда, и везде надо успеть. И целый день куда-то несешься, торопишься, нервничаешь, а когда наконец останавливаешься и, казалось бы, все: можно отдохнуть, расслабиться и отдыхать, — мысленно продолжаешь суетиться, вспоминать, все ли сделала и правильно ли сделала, и все бежишь, бежишь...

— Да. Знаю, — ответил мужчина, и Агата услышала, как он поменял позу, переворачиваясь то ли со спины на бок, то ли наоборот, ей было не видно, да она и не смотрела. — Бывает такое состояние иногда от сильного переутомления, наверно, с каждым. В таких случаях рекомендуют выпить теплого молока или принять успокоительного, валерьянки, например. Или прибегнуть к традиционному средству, махнув грамм пятьдесят-сто коньяку.

— Давайте угадаю, — предложила Агата, улыбувшись в темноте. — Вы предпочитаете последнее.

Он выдержал паузу, не сразу ответив, и усмехнулся. Она вот прямо слышала, как он хмыкнул.

— Не угадали. К коньяку я прибегаю в крайне редких случаях, предпочитаю заваривать особый успокоительный травяной сбор. — И предложил: — Мы можем что-нибудь заказать, даже валерьянку принесут, если надо. Я узнавал, здесь круглосуточное обслуживание. Но, думаю, грамм пятьдесят хорошего коньяка вам помогут.

Агата протянула руку, включила лампу на тумбочке, села в кровати, приподнявшись повыше, опираясь спиной на подушку, и посмотрела в сторону соседа.

— Нет, — отказалась она.

Он последовал ее примеру: включил лампу на тумбочке и сел, спустив ноги на пол, прикрыв бедра краем одеяла.

— Что нет? — уточнил мужчина.

— Нет, не коньяк, — пояснила Агата и улыбнулась. — Бабушка любила повторять: «Вино и водку можно пить с кем угодно, а чай только со своими». — И предложила: — Давайте, что ли, чаю закажем вкусного какого-нибудь и обязательно настоящего, в чайнике.

— Мудро, — согласился с ее бабушкой сосед и напомнил: — Только вряд ли мы с вами подпадаем под категорию «свои».

— Ну условно все-таки подпадаем, вы же меня так выручили, — мягко возразила Агата и вдруг спохватилась от внезапно пришедшей в голову мысли: — Ой! Мы же с вами даже не представились и не знаем, как друг друга зовут.

— Я знаю, вас зовут Агата, — усмехнулся мужчина ее горячности.

— Откуда? — поразилась она.

— Я видел, что вы писали в анкете.

Она вспомнила, как заполняла бланк и где он стоял в это время — вот ни разу не у нее за плечом, не на другом конце стойки, конечно, но где-то в метре-полтора от нее. Она не заметила и даже подумать не могла, что он наблюдает и читает, что она там пишет.

— У вас хорошее зрение, — не сильно-то и похвалила, скорее не сумела скрыть легкого напряжения в тоне Агаша.

— Не жалуясь, — отозвался сосед и объяснил примирительно: — Не надо пугаться и думать пло-

хое, я не смотрел специально, просто хотел узнать ваше имя, чтобы как-то к вам обращаться, и прочитал первую строчку.

— Ну... — протянула она, не зная, что сказать.

— Меня зовут Игорь, — представился он и вернулся к прежней теме: — Так что, Агата, просто чаю, без ничего? — уточнил ее предпочтения.

— Ну, не знаю, — не смогла сразу вот так, в один момент перескочить с взволновавшей ее темы Агаша. И протянула задумчиво: — Можно с вкусным сыром.

— Если вы отвернетесь, я встану, оденусь и сделаю заказ, — без всякого смущения произнес сосед по номеру.

А вот Агата, торопливо отвернувшись, отчего-то стушеввалась, да еще странно так: до легкой неловкости, видимо, испытывая ее за двоих. Но почти сразу же справилась с непонятной и явно неуместно выскочившей эмоцией, дождалась, когда мужчина, с теперь известным ей именем Игорь, поднял трубку внутреннего телефона, и встала из кровати — ей-то одеваться не требовалось: футболочка и штанишки Агаты были вполне себе приличной домашней одеждой.

Пока они ждали заказ, успели поговорить о погоде — ну а что в первую очередь на полном серьезе обсуждать двум пассажирам, застрявшим в аэропорту по метеоусловиям? В ходе беседы выяснили, что оба летят в Симферополь, но разными рейсами — у Игоря вылет был на пятьдесят минут раньше Агаша. Узнали и дальнейшие маршруты друг друга: из аэропорта Агата едет в Севастополь, а ему по командировочным делам надо будет проехать по нескольким крымским городам.